

Попрощавшись с Чу Жунмянем, Сюй Линван вернулся в общежитие. Вскоре по видеосвязи позвонил Сюй Юньюй. В школе каникулы уже начались. Юньюй учился в предпоследнем классе, так что пока нагрузки были терпимыми — настоящий «ад» начнется в выпускном году.

— Брат, когда ты приедешь? — Юньюй заглядывал в камеру, изучая фон комнаты.

— Через неделю после следующей, — ответил Линван.

— Как соберешься — скажи. Папа приготовит что-нибудь вкусненькое, кровать тебе уже застелили. Ждем тебя, в общем.

— Знаю. Как приеду, свожу тебя в супермаркет за вкусняшками, — Линван знал, что брат тот еще сладкоежка.

Вспомнив о семье, Линван ощутил укол тоски по дому, но он твердо решил провести неделю с Жунмянем — помочь ему и самому пережить сложный период. Сейчас их отношения были в самом расцвете, «медовый месяц» в разгаре, а свободного времени в будни вечно не хватало: то лекции, то дела студсовета, то тренировки на полигоне. Побывать вдвоем удавалось разве что в выходные, и то Линван подрабатывал репетиторством. Денег у него сейчас хватало, но он хотел накопить побольше на будущее. После выпуска он планировал остаться на Столичной планете, а жизнь здесь дорогая. Большую часть накоплений он положил в банк на трехлетний депозит, оставив пятьдесят тысяч на непредвиденные расходы.

— Брат, ну почему ты до сих пор не сказал, кто твой парень? Это нечестно! — заныл Юньюй. Он уже не раз пытался выведать правду, но Линван молчал как партизан. Ему до безумия хотелось узнать, какой омега смог покорить его «сухаря»-брата.

— Вот когда всё станет совсем серьезно — познакомлю. А пока грызи гранит науки и не забивай голову.

— Ну вот, опять секреты... Я же твой родной брат!

Линван еще раз наказал ему прилежно учиться: — Закончишь этот год, приедешь в столицу на курсы — тогда и узнаешь.

— Ой, как долго... — простонал Юньюй. — Ну хоть скажи, он красивый? Сколько ему лет?

— Красивый. Сейчас ему двадцать, — Сюй Линван слегка улыбнулся, было видно, что он в отличном расположении духа.

— Значит, он старше тебя, но ненамного. Твой сокурсник? — возбужденно спросил Сюй Юньюй.

Линван неопределенно хмыкнул.

— Всё, я отключаюсь, пора спать, — он завершил звонок, чтобы Юньюй не заваливал его вопросами, да и режим нарушать не хотелось.

У Сюй Линвана было заведено три будильника: он строго следил, чтобы график сна и бодрствования был в норме. Умывшись, он лег в постель. Завтра предстоял поход на выставку, и он поймал себя на том, что непривычно долго размышляет об этом перед сном.

На самом деле, у него не было какой-то особой тяги к искусству. Главной целью было провести

время с Чу Жунмянем, и эта мысль отзывалась в сердце приятной сладостью. Он и не предполагал, что любовь заставляет вот так постоянно думать о человеке. Раньше он вообще планировал, что после выпуска просто пойдет на свидание вслепую по расчету, так как считал себя довольно холодным к чувствам.

Он невольно коснулся своих губ пальцами.

На следующее утро Сюй Линван ждал Чу Жунмяня у учебного корпуса. Жунмянь пришел на пять минут раньше назначенного срока и, увидев, что Линван уже там, почувствовал прилив тепла. Обычно он сам приходил на встречи заранее, и то, что Линван так же ценил пунктуальность, казалось ему признаком идеальной совместимости.

Как-то раз на банкете, устроенном младшим поколением, один гость опоздал на два часа. Жунмянь запомнил это и больше никогда не общался с тем человеком — он не выносил непунктуальных людей и тех, кто вечно ищет оправдания. Похоже, его планка для друзей и партнеров была весьма высока. Но так и должно быть: только так можно найти того, с кем будешь на одной волне и не разойдешься после первой же размолвки.

— Я здесь! Давай сначала позавтракаем.

Они отправились в центр города. В выходной день на улицах было многолюдно, поэтому Жунмянь отвел Линвана в тихий ресторанчик. Сюй Линван заказал две порции сяолунбао (паровых пельменей) и миску овощной каши. Чу Жунмянь взял лапшу с грибами и свининой, а также порцию соевого молока. Лапшу он ел всегда без бульона.

— В лапшу не добавляйте лук и имбирь, — предупредил Жунмянь официанта.

На столе стояли бесплатные хворост и печенье, но они к ним не притронулись. Когда принесли заказ, Линван с удовольствием принялся за еду. Нежное мясо в пельменях и густая каша отлично дополняли друг друга. Линван управился с двумя порциями в мгновение ока. Жунмянь тоже ел быстро — доел лапшу, допил половину молока и на этом остановился. Утром не стоило переедать.

Выйдя из ресторана, Сюй Линван с любопытством спросил: — Дома я считаюсь тем, кто ест быстро, но я заметил, что ты справляешься даже быстрее меня.

— В детстве я любил залипать в браслет за едой, но отец меня быстро «перевоспитал». К тому же я проходил стажировку у него в штабе, а там всё — еда, сон, одежда, передвижения — подчинено скорости. Вот и натренировался, — буднично объяснил Жунмянь.

— Насчет еды и передвижений верю. Но вот насчет одежды — сомневаюсь, — Линван окинул взглядом наряд Жунмяня. Тот явно предъявлял высокие требования к комфорту и стилю.

— Ого, кажется, ты меня раскусил, — Жунмянь покосился на него. — В армии положено ходить в форме. Отец выдал мне обычный солдатский комплект, но это касалось только кителя и берцев. Нижнюю одежду я выбирал сам — главное, чтобы это была белая рубашка.

Немного подумав, Жунмянь добавил: — Когда попадешь в штаб, я подарю тебе несколько хороших белых рубашек.

Они подошли к художественному музею.

— Что ж, заранее спасибо, господин Чу, — подразнил его Линван. От этого официального

обращения у Жунмяня потеплело внутри. Знакомые из высшего света часто звали его так, но слышать это от Линвана в шутку было немного неловко и даже капельку стыдно.

Он быстро взял себя в руки и повел Линвана внутрь. Издалека они увидели Бай Няня. Тот выглядел как истинный фронт: высокий, статный, в стильной черной куртке. На лице его, как всегда, играла легкая улыбка.

— Я здесь! — крикнул Бай Нянь. Жунмянь просто махнул рукой. Он всё еще не привык кричать на публику — слишком дорожил репутацией.

Они подошли. Бай Нянь с улыбкой оглядел пару, задержав взгляд на Линване. Выглядели они потрясающе: яркая внешность Жунмяня ничуть не затмевала Линвана, их ауры гармонировали. Вместе они словно освещали всё здание музея. Бай Нянь про себя вздохнул: «Кто бы что ни говорил, а внешность важна». Смотришь на таких — и глаз радуется. По крайней мере, по части красоты Линван подходил Жунмяню куда больше, чем Ван Юй. Тот тоже был хорош собой и полон аристократизма, но порой в его облике сквозила надменность. Впрочем, для их круга это было нормой — Бай Нянь и сам себе цену знал.

Линван принес напитки, угостив друга. — Пойдемте, — сказал Бай Нянь. — Наша академия отобрала двадцать работ. Начнем с первого этажа.

— И сколько из этих двадцати твои? — спросил знающий его Жунмянь.

— Пять. Правила запрещают одному художнику выставлять пять похожих работ, так что я писал их в пяти разных стилях. Можете оценить, — не без гордости ответил Бай Нянь.

Он был из тех, кто ни в чем не нуждался. В средней школе увлекся живописью и решил сделать это делом жизни. Продать картину и увидеть признание своего мастерства было для него высшим достижением. Свою первую работу он продал в сети за 50 кредитов и в тот же вечер потащил Жунмяня есть мороженое на эти честно заработанные деньги — то чувство азарта он помнил до сих пор.

Сюй Линван смотрел на картины мельком: читал название, имя автора и шел дальше. Но с Бай Нянем было интереснее — тот увлеченно рассказывал о направлениях и технике мазков.

— Эта картина неплоха, но посмотрите: фигуры слишком симметричны, у двоих почти одинаковые лица. Одежда не соответствует эпохе, а оттиск печати слишком красный, этот тон... — рассуждал Бай Нянь. Для Линвана все картины на этом фоне казались одинаково нормальными, поэтому он помалкивал, сохраняя, впрочем, вполне уверенный и понимающий вид.

— Да, детали не проработаны, но обыватель не заметит, — вставил Жунмянь. Они поднялись на второй этаж, посвященный туши и монохромной живописи. Здесь Чу Жунмянь был более придирчив: он не любил перегруженные композиции, предпочитая «воздух» и пустое пространство в кадре. Остановившись у пейзажа с одинокой фигурой в горах, он одобрительно кивнул: — Хорошая вещь. Когда пойдут торги, велю купить её для виллы.

Выставки служили двум целям: славе и продажам. Лучшие работы выкупались либо частным порядком, либо на аукционах. Третий этаж был «территорией» Бай Няня. Здесь висели его работы, и он заметно воодушевился. Линвану тоже стало интереснее — он любил рассматривать детали. Ему приглянулась зарисовка светлячков в траве и очень живой набросок маленькой девочки.

Бай Нянь подвел их к портрету женщины-альфы в пышном дворцовом платье. Выглядела она строго, но великолепно.

— Это одна из королев прошлого. Она правила в период, когда монархия и парламент жили душа в душу. Выдающийся лидер, хотя в народных преданиях больше обсуждают её романы с многочисленными омегами, — хихикнул Бай Нянь. Линван знал этот период истории. Картина была выполнена мастерски: текстура кожи, изгибы пальцев, складки платья — всё выглядело пугающе натурально.

— Смотрю, твои работы висят в ряд. Тебе выделили отдельный сектор? — спросил Жунмянь, заметив под следующими холстами имя друга.

— Ага, я решил изобразить пять персонажей разных эпох. Знаешь же, я люблю наблюдать за людьми, — глаза Бай Няня азартно блеснули. — Сначала была королева, затем — генерал времен становления Федерации. Вы его все знаете, так что без комментариев. Третий — омега, «первый врач», четвертый — студент...

Персонажи менялись вместе со временем и стилем живописи. Последняя картина изображала лишь часть мужского лица (подбородок с аккуратной родинкой), расстегнутый ворот черной рубашки, рельефные мышцы груди и расстегнутую молнию на брюках, из-под которых виднелось белье. Фон был темным и интимным. Линван взглянул на название: «Альфа: власть и желание».

— В искусстве должно быть место провокации, — улыбнулся Бай Нянь. — Перед лицом власти все равны: альфы, беты, омеги. Ну и, честно говоря, я просто хочу продать её подороже. Возвышенное искусство — это хорошо, но за такое платят не меньше.

Чу Жунмянь лишь скользнул взглядом по холсту — такие вещи его не интересовали. В разгар прогулки у Бай Няня зазвонил телефон.

— Ладно, ребята, гуляйте дальше. На обед я с вами не останусь — не хочу быть третьим лишним, — он подмигнул обоим и удалился.

Они провели в галерее еще пару часов. Сюй Линван вдруг задумчиво спросил: — Тебе нравятся накачанные грудные мышцы?

Жунмянь огляделся по сторонам и понизил голос: — У тебя их всё равно нет. Но вообще, мне больше нравятся пресс и общее ощущение силы.

С этими словами он оценивающе посмотрел на талию и бедра Линвана. Он видел его в бассейне и знал, что силы тому не занимать.

— Хочешь купить что-нибудь на память? — спросил Жунмянь, подводя Линвана к сувенирным лавкам. — Ты говорил, твой брат учится рисованию, выбери ему что-нибудь.

Линван удивился: он не ожидал, что Жунмянь запомнил такие детали о его семье. На прилавках было всё: от наборов кистей и тетрадей до брелоков и наклеек. Линван выбрал инструменты для рисования, а Жунмянь подобрал несколько симпатичных безделушек — брелоки и маленькие игрушки.

При оплате Жунмянь решительно приложил свой браслет к терминалу.

— Считаю это моим подарком для него, — бросил он с самым невозмутимым видом. Губы

Линвана дрогнули в улыбке: — Обязательно передам, что это подарок от его «старшей невестки».

Он не смог удержаться, чтобы не подразнить Жунмяня, когда тот принимал этот свой гордый и слегка отстраненный вид. Линван достал одну наклейку из купленного набора: — А это не для брата. Это я купил тебе.

На ладони лежала милая розовая наклейка с изображением персика. Жунмянь сам её не заметил в куче сувениров, но зоркий глаз Линвана её выцепил.

— Я уже взрослый, зачем мне такие глупости, — проворчал Жунмянь для вида, хотя внутри был очень доволен. Приятно знать, что даже выбирая подарки другим, Линван думал о нем. Он мысленно добавил Линвану еще один балл в своем рейтинге.

Они спустились на первый этаж, собираясь пойти в ресторан. В холле навстречу им быстро прошли несколько полицейских. Люди на первом этаже начали суетливо выходить из здания. Линван заметил, что большинство прибывших полицейских — беты, но у некоторых лица были подозрительно раскрасневшимися. Похоже, это были альфы, находящиеся в странном состоянии.

— Уходим, скорее! Впереди произошел выброс феромонов омеги! — полицейский, заметив Сюй Линвана и Чу Жунмяня, поспешил выпроводить их.

В таком людном месте подобный инцидент мог свести альф с ума. У Линвана по коже поползли мурашки: несмотря на железный самоконтроль, он уже отчетливо чувствовал в воздухе сладкий, дурманящий аромат.

Он схватил Жунмяня за руку и бросился к выходу. На самого Жунмяня чужие феромоны влияли мало, поэтому он просто инстинктивно последовал за Линваном.

— Уровень феромонов критический, это S-класс! В галерее уже началась цепная реакция, у двадцати альф зафиксирован неконтролируемый выброс! — доносились крики позади.

Линван нахмурился. Они выбежали на улицу, где полиция уже всюю растягивала ограничительную ленту, оцепляя здание.

— Ты в порядке? — Жунмянь заметил капельки пота на лбу Линвана.

<http://bllate.org/book/16059/1442556>